

А. П. Чехов

**Полное собрание сочинений в
30 томах. Том 11. Пьесы.
1878-1888**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Ч-56

Чехов А.П.

Ч-56 Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 11. Пьесы. 1878-1888 / А. П. Чехов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 196 с.

ISBN 978-5-458-03486-9

Полное собрание сочинений и писем Антона Павловича Чехова в тридцати томах - первое научное издание литературного наследия великого русского писателя. Оно ставит перед собой задачу дать с исчерпывающей полнотой все, созданное Чеховым. При этом основные тексты произведений сопровождаются публикацией ранних редакций и вариантов.

ISBN 978-5-458-03486-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.П. Чехов, 2021

Антон Павлович Чехов
Полное собрание сочинений и
писем в тридцати томах.
Том 11. ПЬЕСЫ.
1878 - 1888

*(Исключены разделы «Варианты
» и «Примечания»)*

«Безотцовщина»

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Войничева, молодая вдова, генеральша.
Сергей Павлович Войничев, сын генерала Войничева от первого брака.
Софья Егоровна, его жена.
Помещики, соседи Войничевых:
Порфирий Семенович Глагольев 1;
Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын;
Герасим Кузьмич Петрин;
Павел Петрович Щербук;
Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет;
Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке;
Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.
Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.
Исак Абрамович, его сын, студент.
Тимофей Гордеевич Бугров, купец.
Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.
Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь И. И. Трилецкого.
Осип, малый лет 30, конокрад.
Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.
Василий,
Яков,
Катя - прислуга Войничевых.
Гости, прислуга.

Действие происходит в имении Войничевых в одной из южных губерний.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Войничевых. Стеклянная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная. Рояль, возле нее пюпитр со скрипкою и нотами. Фисгармония. Картины (олеография) в золоченых рамах.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Петровна сидит за роялем, склонив голову к клавишам.
Николай Иванович Трилецкий входит.
Трилецкий (подходит к Анне Петровне). Что?
Анна Петровна (поднимает голову). Ничего... Скучненько...
Трилецкий. Дайте, mon ange!, покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил.
Анна Петровна (подает ему папиросы). Берите больше, чтобы потом не беспокоить.
Закуривают. Скучно, Никола! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не

знаю...

Трилецкий берет ее за руку.

А н н а П е т р о в н а. Вы это за пульсом? Я здорова...

Т р и л е ц к и й. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку. В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы моете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку. В шахматы, что ли?

А н н а П е т р о в н а. Давайте...

Смотрит на часы. Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...

Т р и л е ц к и й (приготавливает шахматную доску). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

А н н а П е т р о в н а. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы. Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Т р и л е ц к и й. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

А н н а П е т р о в н а. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Seriously, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Т р и л е ц к и й. О да! Удивительно!

А н н а П е т р о в н а. Забрался в мою комнату и не спросясь съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Т р и л е ц к и й. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*². Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... (Поет.) Я хочу вам рассказать, рассказать...

А н н а П е т р о в н а. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Т р и л е ц к и й. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

А н н а П е т р о в н а. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Т р и л е ц к и й. Ваш ход, *votre excellence*!³ Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

А н н а П е т р о в н а. Чего глазее? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Т р и л е ц к и й. Обещала быть. Дала слово.

А н н а П е т р о в н а. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Т р и л е ц к и й. То есть?

А н н а П е т р о в н а. Откровенно, Николай Иванович! Не ради сплетен спра-

шиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Т р и л е ц к и й. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

А н н а П е т р о в н а. По крайней мере...

Т р и л е ц к и й. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

А н н а П е т р о в н а. Ну?

Т р и л е ц к и й. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

А н н а П е т р о в н а. Любовь, значит?

Т р и л е ц к и й (пожимает плечами). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

А н н а П е т р о в н а. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Т р и л е ц к и й. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

А н н а П е т р о в н а. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Т р и л е ц к и й. Она хорошая девочка.

А н н а П е т р о в н а. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь поддельвает?..

Т р и л е ц к и й. Читает...

А н н а П е т р о в н а. И химией занимается?

Смеется.

Т р и л е ц к и й. Кажется.

А н н а П е т р о в н а. Славная... Потихе! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Т р и л е ц к и й. Дороги не видит, бедная девочка!

А н н а П е т р о в н а. Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза. Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... извольте рассмотреть ее со всех сторон, но поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Т р и л е ц к и й. Как же... Уши развесил.

А н н а П е т р о в н а. Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посо-

ветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. (Стучит о стол.) Вот она у вас, ваша голова! (Свистит.) Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Т р и л е ц к и й. Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза. Ездить она к вам не станет.

А н н а П е т р о в н а. Почему?

Т р и л е ц к и й. Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделять над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

А н н а П е т р о в н а. Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... (Смотрит на часы.) Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не выдалось.

Т р и л е ц к и й. Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

А н н а П е т р о в н а. Здоров он?

Т р и л е ц к и й. Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Г л а г о л ь е в 1 и В о й н и ц е в.

Г л а г о л ь е в 1 (входя). Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся. Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщины, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

А н н а П е т р о в н а. Зачем же мошенничать?

Т р и л е ц к и й. Кто мошенничает?

А н н а П е т р о в н а. А кто эту шашку сюда поставил?

Т р и л е ц к и й. Да вы же сами поставили!

А н н а П е т р о в н а. Ах да... Pardon...

Т р и л е ц к и й. То-то что pardon.

Г л а г о л ь е в 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

В о й н и ц е в (зевает). Славное было время!

Т р и л е ц к и й. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

А н н а П е т р о в н а. Глупо, Николя!

Пауза.

Г л а г о л ь е в 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

В о й н и ц е в. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Г л а г о л ь е в 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыба-

лись? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле, покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (Анне Петровне). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тсс...

Глагольев I. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев I. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирающие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев I. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну. Отсутствие этих-то людей и составляет современную чахотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. (Кашляет.) Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий (отодвигается). Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Глагольев I. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев I (смеется). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев I. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (Кланяется.) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иванович, тапап и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев I. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. (Встает.) Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! (Глагольеву.) И кто вас просит говорить? Мешаете только! (Анне Петровне.)

Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

А н н а П е т р о в н а. Считайте! (Садится против Глагольева.)

ЯВЛЕНИЕ III

Т е ж е и В е н г е р о в и ч I.

В е н г е р о в и ч I (входит). Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. (Садится у рояля и перебирает клавиши.) Там, говорят, очень жарко!

Т р и л е ц к и й (встает). Так и запишем. (Вынимает из кармана записную книжку.) Так и запишем-с, добрая женщина! (Записывает.) За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними - десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Г л а г о л ь е в I. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... (Вздыхает.) Не понять вам!

В о й н и ц е в. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семенович, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... (Бьет себя по затылку.) Вот вы так не видите и не чувствуете настоящего.

Т р и л е ц к и й. Прикажете считать за вами, votre excellence, или сейчас заплатите?

А н н а П е т р о в н а. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Т р и л е ц к и й. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

А н н а П е т р о в н а. Сержень, дай этому юродивому десять рублей!

В о й н и ц е в. Десять? (Вынимает бумажник.) Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим разговор...

Г л а г о л ь е в I. Давайте, если он вам не нравится.

В о й н и ц е в. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой... (Подает Трилецкому десять рублей.)

Т р и л е ц к и й. Mercí. (Бьет по плечу Венгеровича.) Вот как нужно жить на этом свете! Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

В е н г е р о в и ч I. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

А н н а П е т р о в н а. Перестаньте же, Трилецкий! (Глагольеву.) Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Г л а г о л ь е в I. Лучший.

А н н а П е т р о в н а. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Г л а г о л ь е в I. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

А н н а П е т р о в н а. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Г л а г о л ь е в I. Стоят.

А н н а П е т р о в н а. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Т р и л е ц к и й берет скрипку и водит по ней смычком.

Г л а г о л ь е в I. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

А н н а П е т р о в н а. Seriously? В вас какая-то особенная закуска.

В о й н и ц е в. Он романтик.

Г л а г о л ь е в I. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

А н н а П е т р о в н а. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семенов? А это главное... (Смеется.) Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иванович! Положите скрипку!

Т р и л е ц к и й (вешает скрипку). Хороший инструмент.

Г л а г о л ь е в I. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать само-го себя и женщину в грязь...

Т р и л е ц к и й (хохочет). Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

А н н а П е т р о в н а. Это он сказал? (Смеется.) Да, он любит иногда отпускать такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Г л а г о л ь е в I. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший вырази-тель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... (Смеется.) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувству-ет эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остано-виться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (Указывает на Войничева.) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш ум-нейший Платонов. Он здоров?

А н н а П е т р о в н а. Говорят, что здоров.

Пауза. Славный человечек...

Г л а г о л ь е в I. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

А н н а П е т р о в н а (смотрит на часы). Пора уже ему быть. Сергей, ты по-сылал за ним?

В о й н и ц е в. Два раза.

А н н а П е т р о в н а. Вы всё врете, господа. Трилецкий, бегите, пошлите за ним Якова!

Т р и л е ц к и й (потягивается). Приказать на стол собирать?

А н н а П е т р о в н а. Я сама прикажу.

Т р и л е ц к и й (идет и сталкивается у двери с Бугровым). Пыхтит, как локо-мотив, бакалейный человек! (Хлопает его по животу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

А н н а П е т р о в н а, Г л а г о л ь е в I,

В е н г е р о в и ч I, В о й н и ц е в и Б у г р о в.

Б у г р о в (входя). Уф! Страсть как жарит! Перед дождем, знать.
В о й н и ц е в. Вы из сада?
Б у г р о в. Из сада-с...
В о й н и ц е в. Софи там?
Б у г р о в. Какая Софи?
В о й н и ц е в. Моя жена. Софья Егоровна!⁴
В е н г е р о в и ч 1. Я сейчас... (Уходит в сад.)

ЯВЛЕНИЕ V

А н н а П е т р о в н а, Г л а г о л ь е в 1, В о й н и ц е в,

Б у г р о в, П л а т о н о в и С а ш а

(в русском костюме).

П л а т о н о в (в дверях Саше). Пожалуйста! Милости просим, молодая женщина! (Входит за Сашей.) Вот мы и не дома, наконец! Кланяйся, Саша! Здравствуйте, ваше превосходительство! (Подходит к Анне Петровне, целует у нее одну руку и потом другую.)

А н н а П е т р о в н а. Жестокий, нелюбезный... Можно ли заставлять ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива? Дорогая Александра Ивановна... (Целуется с Сашей.)

П л а т о н о в. Вот мы и не дома, наконец! Слава тебе, господи! Шесть месяцев не видели мы ни паркета, ни кресел, ни высоких потолков, ниже даже людей... Всю зиму проспали в берлоге, как медведи, и только сегодня выползли на свет божий! Сергею Павловичу! (Целуется с Войницевым.)

В о й н и ц е в. И вырос, и пополнил и... черт знает чего только... Александра Ивановна! Батюшки, как пополнила! (Жмет Саше руку.) Здоровы? Похорошела и пополнила!

П л а т о н о в (пожимает руку Глагольеву). Порфирий Семенович... Очень рад вас видеть...

А н н а П е т р о в н а. Как поживаете? Как живете-можете, Александра Ивановна? Да садитесь же, господа! Рассказывайте-ка... Сядем!..

П л а т о н о в (хохочет). Сергей Павлович! Он ли это? Господи! Где же длинные волосы, блузочка и сладенький тенорок? А ну-ка, скажите-ка что-нибудь!

В о й н и ц е в. Я дурандас. (Смеется.)

П л а т о н о в. Бас, совершенный бас! Ну? Сядем... Подвигайтесь-ка, Порфирий Семеныч! Я сажусь. (Садится.) Садитесь, господа! Ф-ф-ф... Жара... Что, Саша! Ньюаешь?

Садятся.

С а ш а. Ньюаю.

Смех.

П л а т о н о в. Человечьим мясом пахнет. Прелесть что за запах! Мне кажется, что мы уже сто лет не видались. Черт знает, как долго эта зима тянется! А вон и мое кресло! Узнаешь, Саша? На нем шесть месяцев тому назад просиживал я дни и ночи, отыскивая с генеральшей причину всех причин и проигрывая твои блестящие гривеннички... Жарко...

А н н а П е т р о в н а. Я заждалась, терпение потеряла... Здоровы?

П л а т о н о в. Очень здоровы... Надо вам доложить, ваше превосходительство,